

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
(МЕГХАЛАЙЯ)
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ»**

**Сборник научных трудов
XLI Международного Харакского форума**

(Ялта, 25-27 апреля 2023 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

УДК 32 (31)

ББК 74.00

П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Ответственный редактор:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал. Сборник научных трудов ХLI Международного Харакского форума 25–27 апреля 2023 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А. Сенюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-907742-07-9

В сборнике размещены материалы ХLI Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал», состоявшегося в г. Ялта 25-27 апреля 2023 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с аксиологией власти и общественными ценностями, формирующимися в современном политическом пространстве и социальном времени.

УДК 32 (31)

ББК 74.00

ISBN 978-5-907742-07-9

© Сенюшкина Т.А., 2023

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2023

ЭТНИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

Нам И.В.

*Доктор исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, профессор
Email: namirina@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль этноцентристского дискурса в этнизации миграции в публичном дискурсе в историческом контексте. Показано влияние конструируемого и стихийного примордиализма в формировании этноцентричного восприятия миграции и политизации этничности. Делается вывод об ответственности академического сообщества при использовании «этничности» в качестве аналитической категории при изучении миграции.

Ключевые слова: миграция, мигранты, примордиализм, этнизация, этничность, этноцентризм, новые диаспоры

ETHNICIZATION OF MIGRATION: SOCIAL, POLITICAL AND ACADEMIC DISCOURSES

Irina V. Nam

*Doctor of Sciences (History), Professor
National Research Tomsk State University (TSU)
Email: namirina@bk.ru*

Abstract. This paper is about the role of ethnocentric discourse for ethnicization of migration in the public sphere and historical context. The study demonstrates the influence of constructed and spontaneous primordialism on development of ethnocentric comprehension of migration and politicization of ethnicity. The conclusion is that the academic community is responded for using the term "ethnicity" as analytical category for studying migration.

Keywords: migration, migrants, ethnicization, ethnicity, primordialism, ethnocentrism, new diasporas.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 "Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири".

Последние десятилетия XX и начало XXI столетий отмечены актуализацией этнической идентичности, вызванной глобализацией и возрастающей миграционной активностью населения. Сегодня и властью, и обществом в России миграционные проблемы рассматриваются

преимущественно в этнических категориях и терминах. Сказывается сложившееся в советское время примордиалистское понимание феномена этничности. Этнизация миграции способствовал известный «пятый пункт» – фиксация национальности «по крови» в советском паспорте наряду с такими идентификационными параметрами как дата и место рождения. Обязательным было указание национальности во всех анкетах и личных делах. Создавались научные классификации и официальные перечни национальностей в переписях населения. Все это наряду с политикой «коренизации» управленческой и профессиональной элит, этнофедерализацией государственного устройства и административно-территориального деления на этнической основе [1] придавало этничности чрезвычайную важность и незыблемость. Советский режим «раскроил» территорию государства на «автономные национальные родины», принадлежавшие «конкретным этнонациональным группам» и наделил каждого гражданина этнической «национальностью», которая приписывалась ему при рождении, «регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам» [2, с. 109-110]. В рамках создаваемой таким образом «многоязычной этнократии» «стало легальным и морально допустимым деление по этническому признаку вплоть... до репрессий, массовых депортаций...» [3, с. 27].

Этнизация феномена миграции является прямым следствием этноцентричного дискурса, названного Д.В. Драгунским «навязанной этничностью» [3], при котором базисной категорией теоретического упорядочивания социальной реальности выступает «этнос», понимаемый в эссенциалистском (примордиалистском) смысле. Этноцентричный дискурс влечет за собой сведение социальных различий к этническим, а социального взаимодействия – к взаимодействию между этническими (этноконфессиональными и этнокультурными) группами. На бытовом уровне большинство людей полагает, что каждый человек *объективно* принадлежит к той или иной этнической группе («этносу») и из этого факта выводятся его личные характеристики и, соответственно, предрасположенность к определенному типу поведения. Главная опасность «навязывания» этничности заключается в «придании этносу политической субъектности» [3, с. 27] и, как следствие, *политизации этничности*. В идеологии и практике (этно)национальных движений, охвативших территории бывших автономных и союзных республик после распада СССР, слились воедино лозунги национального (этнического) «возрождения» с политической борьбой национальных элит за власть.

В производстве и воспроизводстве этноцентричного дискурса важная роль принадлежит представителям академического сообществ. Большое влияние на формирование этноцентричного дискурса оказала теория «этноса» Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. В ситуации идеологического вакуума 1980-х – начала 1990-х гг. именно их последователи определяли как кадровую и институциональную, так и издательскую политику. Большинство российских

журналистов и значительная часть экспертов были вовлечены в распространение представлений об этносах как о «биосоциальных организациях» и степени их «пассионарности». На этом фоне возникли категории «этнического баланса» и «этнокультурной безопасности» и сформировалось представление о том, что превышение 10%-й доли иноэтничных мигрантов в российской среде чревато этническими конфликтами [4, с. 59], в основе которых лежат не социальные взаимодействия, а *различия* (этнические, конфессиональные, языковые и др.) [4, с. 61].

В работах российских ученых 1970–1980-х гг. проблема этничности в миграционном движении рассматривалась в основном в *культурно-идентификационной* плоскости, этнические группы определялись как *базисные* культурные и социальные единицы. Исследовательская работа сводилась к поиску показателей миграционной подвижности и приживаемости народов. Этнологи связывали их с исторически сложившимися социальными, этнодемографическими характеристиками, особенностями расселения, психологическими установками и ориентациями этнических групп, демографы – с особенностями среды выхода и вселения, долей в них представителей того или иного народа [5]. На фоне обществено-политических и экономических преобразований постсоветского пространства в 1990-е гг. проблематика миграции особенно актуализировалась и обострилась. Центральной темой исследований становится влияние этнических различий на проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сформулировав проблему в таком ключе, миграционные исследования переняли примордиалистский концепт, что позволило объяснять интеграционные проблемы как «культурный конфликт». Этничность понималась «как основополагающая константа человеческой социализации», а культура представлялась «в виде «снаряжения», которое мигранты приносят с собой в страну эмиграции в виде некоего «ментального багажа» [5].

Связь политики и этничности выражается в тесном переплетении национального и этнического в публичном дискурсе – общественно-политическом и академическом. При этом первое связано с государственностью и социальными отношениями, а второе – с *категоризациями*, основанными на признаках культуры, языка, представлениями об общности происхождения [6, с. 203]. Значение этничности, как политического фактора, определяется тем, «как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов – общественными движениями, государственными структурами, научными и экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия» [6, с. 204].

К категоризации мигрантов в терминах этничности прибегают властные структуры на федеральном и региональном уровне, поскольку их включение в уже привычный для восприятия контекст позволяет выстраивать «понятные» практики контроля и управления. При таком подходе миграционный приток населения, «этнически отличного от основного населения принимающего

общества», воспринимается «не иначе, как в терминах угрозы» К примеру, в работе правоохранительных органов имеет место «этническое профилирование» (*ethnic profiling*) – применение этнических критериев при проверке документов у мигрантов из Центральной Азии, Закавказья, а также у российских граждан из республик Северного Кавказа [4, с. 63]. Выбирая «жертву» среди прохожих или среди торговцев на рынке, представители органов правопорядка, ориентируются прежде всего на «видимые» меньшинства «азиатской» или «кавказской» внешности [4, с. 172].

Этничность является «удобной» организационной формой консолидации и для самих мигрантов, предоставляя этническим активистам («этнопредпринимателям») «понятный и разделяемый всеми членами общины-диаспоры культурный материал», позволяющий конструировать групповые границы [8, с. 469]. Национализм этнических предпринимателей и властных структур в ряде республик и регионов является дополнительным фактором устойчивости примордиализма в этнизации миграции и оценке ее роли миграции.

За счет притока мигрантов в общественном пространстве появляются «новые» этнические группы – «диаспоры», радикально увеличивается численность многих «старых» групп, меняется их облик. С появлением этих групп (именно в качестве групп) происходят ментальные изменения во взгляде на социальную реальность, которые Р. Брубейкер, американский социолог, исследователь проблем этничности и национализма, назвал «группизмом» [2, с. 23]. Этнические группы по умолчанию рассматриваются как некие целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия и отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей [6, с. 204].

И «новые» мигранты, и «местные» жители, приписанные советской и современной властью к той или иной этнической группе, ощущающие в той или иной степени свою связь с нею, «начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе» [9, с. 98]. Этот процесс лежит в основе формирования феномена «новых диаспор». При его изучении перспективным представляется *неоинституционалистский подход*, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство действия для группы, сколько создают («институционализируют») саму группу с ее идентичностью, интересами и прочими атрибутами. При этом группу целесообразно рассматривать не как совокупность людей, а как структуру отношений, объединяемых идеей разделения общества на группы и представлениями о смыслах этого деления [6, с. 204]. В исследовании миграции ученым следует отказаться от использования этнически окрашенных терминов при анализе ситуаций, в том числе конфликтных, в отношениях между группами «мы» (принимающее общество) и «они» (мигранты). Иными словами, исследователям следует отделять «*категории практики*», в том числе этнополитической, от «*категорий анализа*» [2, с. 27; 7, с. 175].

Список литературы

1. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. II. М., 2005. С. 144-167.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Драгунский Д.В. Навязанная этничность // Политические исследования, 1993. № 5. С. 24-31.
4. Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Космополис, 2004. № 1 (7). С.56-69.
5. Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования, 2007. № 1. С. 116-122. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9449970> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М.: РОССПЭН, 2009. С. 202-221.
7. Паченков О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С. 162-182.
8. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Отгиск, 2013. 624 с.
9. Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры» фактор стабильности и конфликта // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 95-137.

ГОСУДАРСТВО И ШКОЛА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (1918-1920 ГГ.)

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный

университет, доцент

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация. Проблемы реформирования начального, среднего образования являлись предметом обсуждения в российском обществе до 1917 г., но не были решены властью. В годы революций, Гражданской войны